

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Экран и сцена, - 1991. - 5 сент. (№36). - с. 2.

Мы успели на поезд?

Спасибо членам ГКЧП: они подарили мне три светлых дня и три ночи.

Днем 20 августа в центре Москвы под дождем стояли танки. Уже целые сутки. Я спросила у одного из танкистов: «Чего тебе больше всего хочется?» — «Есть», — ответил он, не раздумывая.

В двух шагах грязные военные машины выглядели не столь ужасающе, как из окон домов. Скорее они казались нелепыми. Солдаты, околачивающиеся возле танков, все, как один, были голодны. Про военный переворот они как будто даже и не слышали.

«Тогда чего вы тут делаете?» Они замялись. Однако довольно решительно заявили, что стрелять в своих не намерены. «А если приказ?» — «Все равно!» И в доказательство предложили мне посидеть с ними на танке, демонстрируя единство армии и народа, а также пощипать сообща батон белого хлеба, купленный мной по дороге в центр. «Ага, — говорили они, — народ нас кормит!»

Со стороны наша военно-гражданская тузовка выглядела, должно быть, странновато. Потому что ближе к вечеру мои новые знакомые в случае оперативного приказа могли повернуть свои танки против меня и тех, кто был на Пушкинской. Вряд ли бы они припомнили мой батон.

Возле дома на набережной такие же мальчишки сосредоточенно копошились около «оборонительных сооружений». В ход шел всякий хлам. «Видали защитников, — крикнули где-то в толпе. — отрывают доски от заборов и собираются идти врукопашную на танки. Говорят: погибнем за Отечество!».

«Дураки, — подумала я, — такие же мальчишки, как и те, что на Пушкинской. Только у тех танки, у этих палки». «А ты чего больше всего хочешь? — спросила у защитника Белого дома, несущего на баррикаду свою деревяшку». Парень, оказывается, тоже хотел есть. «А выстоим?» — «Авось, выстоим».

Голод! Не он ли признак самого здорового из

человеческих желаний — желания жить?! Из-за голода, может, и не состоялась эта кровавая схватка друг с другом. Мальчишки против мальчишек не пошли. Ведь это сытый голодному не товарищ, а голодный голодному? И Белый дом устоял. И в эту ночь (как мне рассказывали), и в следующую (а это я видела уже сама) Александр Руцкой, вынося из «осажденного» нами дома пакеты с продуктами, кормил всех стоящих под трехцветным российским флагом и легкомысленно-головокружительным девизом «Авось, выстоим». Мы ели из первых рук своей собственной, законно избранной власти. И Ельцин несколько раз спускался вниз, дабы убедиться: ага, едят спасители Отечества!

Конечно, не в сервелате дело. Признаться, и ГКЧП кое-что нам обещал подбросить. Но ведь еще за день до переворота мы с приятелем-журналистом из «ЭС» жаловались друг другу на то, что жизнь складывается как-то не так. Что скучно, писать не о чем. У шестидесятников хотя бы иллюзии были, а нам даже утратить нечего. Скучно. На самом деле настоящая зеленая тоска навалилась 19 августа. «Это конец», — сказала моя мама. Она помнила, как в 53-м арестовывали моего дедушку, ее отца. А в одном присутственном месте, где я громогласно окрестила временное правительство «ублюдками», мне велели заткнуться, закрыть поплотнее дверь и не болтать по телефону.

И я подумала: кошмар, опять ходить на демонстрации с портретами и говорить, оглядываясь по сторонам. Это нам-то, «разболтавшимся» за шесть лет, так что умолкать нет никаких сил. Тоска хуже, чем страх. От нечего с батонком белого хлеба я отправилась общаться с солдатами: отговаривать их стрелять. Первое, что пришло в голову.

Теперь многие говорят: молодежь лихачила сверх меры. Рокеры и металлисты носились по темному Садовому кольцу, наплевав на комендантский час, и высматривали: нет ли

вблизи танков. Впрочем, по словам тех же многих, молодым и терять-то нечего. Нечего, разве только что свою жизнь. Илье Кричевскому, видимо, тоже, кроме жизни, терять было нечего. И он вышел к танкам. Впрочем, теперь весь мир знает, как погиб Илья Кричевский — мой сосед по даче.

Голод и тоска вдруг явили любовь к Отечеству. Целых два дня «ЭС» работал в подпольных условиях: печатали листовки, ходили на заседание фронта демократической печати, наспех сформированного в здании «Литературки», прозванивались даже в Белый дом. Интересовались: все ли у них в порядке, не нужна ли реальная помощь. Это не приподнившаяся попытка прихвастнуть. Просто за три дня и за три ночи мы вдруг поняли, что любим Россию! Нет, нет, это не эпатаж — это правда.

«А что, до этого не знали? — спросил у меня Мстислав Ростропович в последнюю баррикадную ночь, когда мы пили с ним водку из забытой кем-то фляжки. — Напрасно, это замечательное чувство!»

Елена Боннэр в своем телеинтервью сказала: «Наш поезд ушел, когда стреляли в Тбилиси, а нам казалось — это далеко. Наш поезд ушел, когда убивали в Вильнюсе. Нам снова казалось — это не у нас. Теперь вот Москва».

Мне кажется, мы все-таки успели на этот поезд: в последнюю секунду вскочили на подножку и проехали целую остановку.

Сегодня уже говорят: хватит об этом. Пора разбирать баррикады и строить что-то другое. Но безмерно хочется вспоминать. Потому как в те три дня под дождливым московским небом было ясно: кто свой, кто чужой и что кому надо, и кто что может сделать. А теперь? Вновь по ЦТ сессии и съезды. Мне опять становится скучно. Но вылезать из поезда уже неохота.

Натэла МЕСХИ.